

ОЧЕРЕДНОЕ ОПРОВЕРЖЕНИЕ МАРКСИЗМА¹.

(«СОЦИАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ» М. УИЛЛЬЯМА.)

Известная часть буржуазии желает устранить социальные бедствия, чтобы упрочить существование буржуазного общества.

К ней принадлежат экономисты, филантропы, гуманные люди, реформаторы, стремящиеся улучшить положение рабочего класса, организаторы благотворительности, покровители животных, учредители обществ трезвости, крохотные реформаторы всевозможных сортов. Этот буржуазный социализм создал даже целые системы.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Коммунистический манифест.

1.

Как известно, марксизм никогда не мог похвастаться отсутствием противника. Едва только были обнаружены его революционные наклонности,—а это произошло в самом раннем возрасте марксизма,—как капиталистическое общество объявило ему войну. Война велась и, конечно, ведется одновременно, лишь с перемежающейся интенсивностью, и на теоретическом фронте диалектического материализма, научного коммунизма, и на практическом фронте непосредственной классовой борьбы.

Если ограничиться одним теоретическим фронтом, то анналы этой борьбы содержат довольно почтенное число всевозможных «критик» и, пожалуй, не меньшее количество генеральных «опровержений» марксизма. С каждым десятилетием рос и растет список таких «опровержений», и—удивительное дело—с каждым десятилетием рос и растет марксизм. Он выдерживает натиск критиков и инспровергателей и в исторической практике черпает все новые и новые доказательства своей истины.

В наши дни ожесточенные некогда споры марксистов с народниками, революционных марксистов с ревизионистами, споры марксистов с неокантианцами тоже-социалистами, с эмпириокри-

¹ «Под знаменем марксизма, 1925, № 8—9 и *Die füllige Widerlegung des Marxismus*, в *«Unter dem Banner des Marxismus»*, 1925, Band I, Heft 3.

тиками «тоже-марксистами»—все эти споры и дискуссии уже позади. Ни ниспровергатели, ни исправители марксизма не задушили его, а их попытки с негодными средствами должны были бы как будто раз навсегда убедить революционных марксистов не обращать внимания на критику из буржуазного и ренегатского лагеря и равнодушно проходить мимо нее.

Время идет, и каждый год регулярно приносит «еще одно» опровержение марксизма. Не содержа в себе ничего принципиально нового, такое «опровержение» сводится или к отрицанию марксизма с неприкрыто буржуазной точки зрения, или к дополнению, исправлению, ограничению положений марксизма, причем все эти дополнения, исправления или ограничения в свою очередь сводятся к подмене пролетарской и коммунистической точки зрения точкой зрения буржуазно-капиталистической. Но так как время приносит новые детали в экономическом и социально-политическом отношениях, то и критика марксизма также подчас содержит в себе кое-какие новые детали. Эти детали интересны больше в социологическом аспекте, чем в аспекте теории, ибо, повторяем, общетеоретические положения критиков марксизма в основном остаются старыми.

Но прежде чем прибавить имя нового ниспровергателя марксизма к длинному списку старых, нужно его как следует «зарегистрировать», т. е. отметить для памяти (знать своих противников никогда не мешает), что собственно он хотел сказать, какие доводы привел в защиту своей точки зрения, чем собирается заменить марксизм и как рисуется ему его общественный идеал хотя бы на ближайший ряд лет. Уяснив это, а следовательно, и классовую подоплеку нового ниспровергателя, его можно будет поставить на полочку к сильно запылившимся уже его коллегам.

Очередным ниспровергателем марксизма, с которым нам предстоит иметь дело и с которым мы хотим познакомить русского читателя, является Морис Уильям. Его выводы, «которые поставили под вопрос историческую и научную значимость социализма Маркса», были им формулированы еще в 1919 г., так пишет он сам в своей книге. Книгу эту, издав в 1920 г. в качестве частного издания, он разослал деятелям социализма разных стран. В 1922 или 1923 г. он выпустил ее вторично уже как общее издание под названием: «Социальное понимание истории. Опровержение марксова экономического понимания истории»¹. К этому нужно добавить, что в 1924 г. книга была переведена на немецкий язык с беседой переводчика с О. Шпенглером в качестве предисловия². Немецкий перевод поступил в продажу с рекламной бан-

¹ The Social Interpretation of History. A Refutation of the marxian economic Interpretation of History by Maurice William, London, Sine datu, XXXI+397.

² Die soziale Geschichtsauffassung. Eine Widerlegung der marxistischen wirtschaftlichen Geschichtsauffassung von M. William, Berlin 1924, S. XXII+295. Мы цитируем английский подлинник.

деролькой, на которой значилось: «Der Klassen-Kampf—das falsche Mittel!» («Классовая борьба—ложное средство!»).

Такова внешняя история книги. О себе самом автор сообщает, что он в продолжение двадцати пяти лет был учеником Маркса, но теперь, увы, больше не может отвечать утвердительно на вопросы: «открыл ли Маркс законы социальной эволюции? согласуются ли его принципы с этими законами? утвердил ли он социализм на научном базисе?» Книга должна представить обоснование отрицательных ответов автора и, очевидно, дать в положительной форме его собственную концепцию. Итак, «социальное понимание истории» против материалистического понимания ее. Это социальное понимание истории и должно быть нами зарегистрировано.

Годы рождения теории М. Уилльяма были беспокойными годами,—в этом можно согласиться с автором. Война прикончила II Интернационал, и вместо царившего как будто в международном социалистическом движении единства повсюду народились разнообразные фракции. Кончилась мировая война, и вместо одного Интернационала оказались два: Второй, социалистический, и Третий, коммунистический. Массы обратились к вождям за руководством, а вожди, оказывается, спорят и борются между собой. К тому же «Россия в припадке революционной лихорадки предприняла торжествующее доказательство принципов Маркса. Призрачный успех, достигнутый в России бескомпромиссным революционным социализмом Маркса, был сигналом для самопроизвольного бунта против парламентарного реформизма II Интернационала»¹.

И вот, видя, в какое отчаянное положение попал международный социализм, М. Уилльям решил обратиться к теории, к теоретическим основам научного социализма. Без сомнения, путь, им избранный, является правильным путем. Хотя сама теория рождается из практики, составляет наивысшие обобщения практики капитализма и рабочего в нем движения, она, теория, способна руководить этим движением, и только в этом лежит ее назначение. Краткий тезис Ленина: «Без революционной теории не может быть и революционного движения» великолепно выражает единство теории и практики.

Многолетний «ученик» Маркса, М. Уилльям, также сообщает нам: «Никогда еще в истории понимание законов, руководящих социальным процессом, не требовалось так настоятельно, как сегодня. В знании остается последняя надежда мира». Знания этих законов ищет, конечно, не один М. Уилльям; ищут их и другие, некоторые даже полагают, что в общем они их нашли именно в марксизме, в его теории классовой борьбы, если говорить кратко. Перед М. Уилльямом два исторически сложившихся пути, пути II и III Интернационала, так сказать, две

¹ The Social Interpretation of History, p. VIII.

правды. Пряча свои симпатии по адресу первого из них, М. Уилльям уже в предисловии высказывает порицание теоретикам Коммунистического интернационала. Он недоволен их методом. Они, видите ли, не учатся у опыта; они слишком научны для этого: они забыли метод Маркса, который сводился к тому, чтобы изучать историю. «В наши дни,—говорит наш ортодоксальный ученик Маркса,—лидеры интернационального социализма, в противоположность Марксу, отказываются изучать историю, предпочитая догматически придерживаться выводов, формулированных Марксом в 1848 г. Такого рода их наука!»¹

Реверанс Марксу, который изучал историю, делает возможным лишь одно заключение из приведенной фразы М. Уилльяма: изучая историю, Маркс сделал в 1848 г. выводы, правильные для 1848 г. Повторять эти выводы теперь неправильно, ибо изучение всей истории с 1848 г. до наших дней должно привести к принципиально иным выводам. Научный коммунизм или, если угодно, научный социализм Маркса, в своих выводах утратил для наших дней свою научность. Такова именно мысль М. Уилльяма.

Революционные марксисты никогда не отказывались изучать историю. Именно изучение конкретной исторической обстановки с точки зрения оправданной на опыте материалистической диалектики диктовало им всякий раз тот или иной шаг, было ли это (в русских условиях) участие в Государственной думе 1907 г. или Октябрьская революция 1917 г. Но что же делать, если в общем изучение истории приводило всегда к оправдыванию того, что было формулировано Марксом и Энгельсом в 1847—1848 гг.? Стало быть, есть изучение и изучение.

В настоящей статье мы тоже «изучаем изучение» М. Уилльяма. Сам автор говорит о нем так: «Настоящее изучение общества было предпринято в духе Маркса (sic!), оно использует его научный метод исследования. Если выводы расходятся с марксовыми, то это лишь доказательство, что ни в какой науке нельзя вести исследования до конечных выводов. Основное в науке есть исследование, а не выводы»². В дальнейшем мы увидим, как обстоит в этом отношении дело у самого Уилльяма, чего у него больше: исследования или выводов, и действительно воздерживается ли он от «конечных выводов». А сейчас сама собой напрашивается одна историческая параллель. В свое время у Э. Бернштейна «конечная цель» превращалась в ничто, а «движение» было всем. Это—язык практики, и на практическом языке называется это *оппортунизм*. У М. Уилльяма— язык теории; у него «конечные выводы»—ничто, а «исследование»—все, и на теоретическом языке это называется *ревизионизмом*. Впрочем, должны оговориться, что ревизионистского характера своей книги не отрицает и сам М. Уилльям.

¹ The Social Interpretation of History, p. XXX.

² Ibid., p. XX.

В действительности же как бессмысленно отрывать «движение» от «цели», так бессмысленно, абсурдно, ненаучно отрывать и «исследование» от «выводов». Чистое описание может довольствоваться простым рассказом, но даже из описания, если оно объективно, уже напрашиваются выводы. Из исследования же не делать выводов нельзя. Отказ от выводов в конце исследования есть поза страуса, прячущего голову под крыло, поза в историко-социальных исследованиях, нужно сказать, довольно неудобная; ведь если сам не сделаешь вывода, то сделают за тебя другие. Так как человеку весьма трудно стать страусом, то и М. Уилльяму весьма трудно воздержаться от выводов, и он эти выводы делает. Как мы уже сказали, фактически в его книге гораздо больше постулированных и выводов из этих постулатов, чем действительного исследования.

2.

Предмет исследования М. Уилльяма—теоретические основы международного рабочего движения. Различия внутри II Интернационала, говорит автор, столь же стары, как и он сам. Они достаточно отражались в соответствующей литературе. Но чем дальше, тем меньше было надежды на их разрешение. Основу этих разногласий составляли вопросы политики и тактики. В общем намечалось левое революционное и правое умеренное крыло. Уже это обстоятельство заставляет рассмотреть теоретические принципы политики и тактики международного социализма.

У несоциалистов, т. е. буржуазных слоев общества, и внутри их партий непосредственная классовая политика и тактика определяли их теоретическую платформу. У социалистов же, наоборот, самая платформа диктовала политику и тактику. Политическая деятельность их внутри капиталистической системы не является для них целью в себе, а лишь средством для замены капитализма социализмом. Их теоретические принципы образуют как бы базис их платформ, их политика и тактика должны быть согласованы с их программой и ею определены.

С этими положениями М. Уилльяма можно согласиться. Действительно, для буржуазии капиталистическая система является нормальной и единственно допустимой средой. Политические программы буржуазных партий, будучи, конечно, обусловлены классовой принадлежностью своих сторонников, вполне укладываются в рамки капиталистического общества и буржуазного государства. Те или иные классовые прослойки через свои партии создают те или иные политические программы, диктуемые специфическими условиями этих классовых прослоек, однако все эти программы в конечном счете не идут дальше капитализма.

С пролетариатом дело обстоит несколько иначе. Его программа, конечно, также обусловлена его классовой природой,

но пунктом отправления для программы является не капитализм, а, скажем, социализм. Теория научного социализма прежде всего диктует построение программы.

Но как же быть, когда разногласия имеются внутри социалистического движения? На основании предыдущего мы должны согласиться, что корень этих разногласий мы должны искать не в плоскости политики и тактики,—это лишь внешность,—а в самих теоретических принципах социализма, ибо в них заключена сущность. Обнаружение разногласий в этих коренных вопросах только и может удовлетворительно разъяснить политические и тактические разногласия.

Принципы интернационального социалистического движения восходят, как известно, к Марксу и Энгельсу, к «Коммунистическому манифесту» 1847—1848 г. Говоря коротко, они сводятся к материалистическому (мы бы сказали: диалектико-материалистическому) пониманию истории, к теории классовой борьбы со всеми ее выводами, к теории прибавочной стоимости. Свержение капитализма является выводом и принципиальным требованием. Между тем, говорит М. Уилльям, у каждой социалистической партии есть список немедленных требований, своего рода позитивная программа для деятельности внутри капитализма. Какова же связь между категорическим выводом марксизма о свержении капитализма и положительными программами социалистических партий? Как будто марксовы принципы не могут оправдать их, и однако некая связь как будто существует. Для решения этого вопроса М. Уилльям предлагает присмотреться к практике капиталистического класса и социалистических партий.

Действительность последних десятилетий показывает, что вместе с развитием капитализма, с ростом синдикатов и трестов, с приближением и нарастанием государственного капитализма растут и так называемые социальные реформы, различные мероприятия по демократизации народного просвещения, по народному здравоохранению, по охране труда и т. п., т. е. мероприятия, направленные на улучшение положения рабочего класса. Есть ли все это ущерб для капиталистов и выигрыш для рабочих или нет?

Одни социалисты говорят, что это—уступки капитала рабочему классу; другие: что все указанные мероприятия делаются также в интересах капиталистов, ибо квалифицированный, технически образованный рабочий полезнее в производстве, ибо, например, перед лицом эпидемий равны рабочие и капиталисты. М. Уилльям мечется среди этих двух ответов и не может их примирить. Он может согласиться, говоря о причинах социальных и промышленных реформ, с ответом по формуле или—или: или это уступка, или это—в интересах капиталистов. Он не может либо не хочет понять, что все эти реформы в подавляющем большинстве случаев проводятся под напором и при нажиме пролетариата; с другой стороны, что все эти реформы не

противоречат коренным классовым интересам буржуазии и даже позволяют выжимать из пролетариата больше прибавочной стоимости. Для него диалектика истории, когда социальные и индустриальные реформы являются и уступками буржуазии, и ее интересом, навсегда скрыта от зрения.

Зато, теряя классовую точку зрения, М. Уилльям видит в этих реформах другое *и—и*: реформы выгодны и улучшают положение *и* капиталистов *и* рабочих. Эта призрачная видимость ослепляет М. Уилльяма и, как увидим далее, делается отправным пунктом для его «социального понимания истории». Реформы улучшают положение рабочих, реформы выгодны капиталистам, реформы проводятся самими капиталистами!—ну, может ли устоять против таких выводов марксизм?!

М. Уилльям старательно изучает программы социалистических партий и открывает в них ряд требований, которые и без того проводятся капиталистами! «Какая же связь возможна между этими программами реформ и марксистскими принципами, образующими теоретический базис международного социализма? Марксовы принципы имеют целью служить благу рабочих путем уменьшения и уничтожения эксплуатации, между тем как реформы, которые составляют практические программы социалистических партий, повсюду, где они приняты, служат благу эксплуататоров путем неуклонного увеличения уровня эксплуатации»¹. Зачем же придерживаться таких программ?—спрашивает М. Уилльям,—не из-за «научных» же их основ; и почему же программы рвут с научными основами марксизма?

Попробуем разобраться в тех выводах, к которым уже пришел наш многолетний ученик Маркса. Первое: реформы улучшают положение рабочих. Действительно, бесплатная медицинская помощь для рабочего или ясли для работницы на капиталистической фабрике «лучше», чем отсутствие того и другого, подобно тому, как всеобщее избирательное право в буржуазном государстве «лучше», чем цензовое избирательное право; но, как говорил Ленин: «мы не вправе забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике». Точно таким же образом ясли, медицинская помощь и тому подобное ни на йоту не нарушают принципа эксплуатации рабочего, они ни на йоту не изменяют ситуации в производственных отношениях капитализма, в базисе капиталистического общества, поэтому и требование его уничтожения остается в полной силе.

Второе: указанные реформы выгодны капиталистам. Это совершенно правильно, и потому только что указанное требование вновь подтверждается в полной мере. Наконец третье: реформы проводятся самими капиталистами. Реформы проводятся капиталистами, поскольку они являются господствующим классом,

¹ The Social Interpretation of History, p. 29.

поскольку буржуазное государство является организованной в политически господствующий класс буржуазией. Но эти реформы проводятся по общему правилу под натиском и при нажиме пролетариата. Длинный ряд забастовок, восстаний и прямых революций—достаточное доказательство этому. Так называемые программы-минимумы в тех странах, где еще не было пролетарских революций, сохраняют всю свою силу, они нужны как ориентировочные, и без них не может обойтись ни одна рабочая партия.

Однако все дело в том, чтобы программа-минимум не вытесняла, так сказать, программу-максимум; все дело в том, чтобы перспектива пролетарской революции и пролетарского государства не утрачивалась. Марксовы принципы научного коммунизма нисколько не умаляются программами-минимум, именно потому, что это—программы-*минимум*. Мы возвращаемся к проблеме «движения—цели». Цель без движения—ничто, так было у утопистов, но и движение без цели—ничто, так было у ревизионистов; революционные же марксисты диалектически сочетают движение и цель, первое существует ради второй, а вторая складывается и вырастает из первого. Программы *коммунистических* партий наших дней сохраняют *raison d'être* именно потому, что эти партии сохраняют принципиальное требование уничтожения капитализма, сохраняют перспективу пролетарской революции. Иное дело—программы *социалистических* партий наших дней; потеряв перспективу пролетарской революции, они потеряли свою основу: их требования и без того проводятся капиталистическими правительствами, как выражается М. Уилльям.

Наш автор пытается решить дилемму: теоретические принципы марксизма—практические программы социалистов иным путем. Он рассматривает политическую деятельность социалистов, участие социалистов в «политике», как говорит М. Уилльям. По существу речь идет об участии социалистов в практической работе по созданию и «усовершенствованию» буржуазного государства. Вопросы актуальной классовой борьбы, проявляющейся в стачках, восстаниях, мало его интересуют. Внимание его сосредоточивается на проблеме выборных кампаний и на парламентской и кабинетской работе. По его мнению, когда социалистические массы возросли, то стало уже невозможным непрерывно повторять «Коммунистический манифест». Массы требовали практической политической деятельности. Социалисты пошли в политику, следуя за массами, а раз войдя в нее, они должны были принять в ней активное участие: добиваться возможно больше депутатских мандатов в парламенте и даже мест в кабинете. Так измена вождей М. Уилльямом подменяется «требованием масс».

Уилльям понимает, что министерализм и практическая работа в парламенте знаменовали на практике отказ от марксизма наряду с теоретическим признанием его. Он сам различает два

направления в марксизме: первое, в его формулировке,—это последовательные марксисты; их деятельность—революционная агитация, воспитательная работа среди рабочих масс, их организация и *экономическая* борьба; второе направление, *в его формулировке*—это то, «которое хотя и принимает марксистские принципы в теории, но принимает положительную программу, каковая не может найти никакого оправдания марксистским основам, а в действительности представляет отрицание марксистских принципов»¹.

Как не согласиться с таким определением, в особенности со вторым? Иногда из уст ярого противника услышишь больше правды, чем от друга. Стало быть, программа и деятельность социалистов-оппортунистов «в действительности представляет отрицание принципов марксизма». Это же и пытаются который год коммунисты вдолбить «марксистам» из II Интернационала. Определение первого направления, данное М. Уилльямом, конечно, требует исправлений. Первое направление, т. е. коммунистические партии буржуазных стран не ограничивают себя *экономической борьбой*. Они тоже настаивают на политике, но на политической *борьбе*, а не соглашательстве, причем политическую борьбу они понимают, выражаясь мягко, значительно шире, чем невинная оппозиция в парламенте или, еще лучше, участие, конечно, с оговорочками, в буржуазном кабинете. Они также не против участия в парламентах, но в таком разрезе, который был дан ленинизмом в России.

Но, повторяем, М. Уилльям безусловно прав, когда он, наметив оба указанных направления, утверждает, что говорить об этом, как о разногласиях только по вопросам политики и тактики, значит ничего не понимать в вопросе. Прав он и тогда, когда после этого риторически спрашивает: разве русские большевики и меньшевики различались только по тактике? или спартаковцы и большинство германской социал-демократии? Нет, причина глубже, это—различие в принципах!

Самой формулировкой своей двух направлений в международном социалистическом движении М. Уилльям ставится перед альтернативой: или марксистские принципы, и тогда отказ от социал-соглашательской практики, или эта практика, но тогда—отказ, прямой и нелицемерный, от марксистских принципов. Читателю, пожалуй, не трудно будет догадаться, каким путем пойдет М. Уилльям. Но любопытен его критерий выбора. Сторонники практических программ, говорит он, никогда не защищали теоретически своего дела. *Защищать практическую программу на основе марксизма было бы безнадежно*. Но эта программа была успешно защищена практическим путем. Основная защита—это рост числа членов и голосов на выборах. Пока речь идет о разрыве между теорией и практической программой—пре-

¹ The Social Interpretation of History, p. 35.

имущество у революционных марксистов. Но, видите ли, рост социалистических партий за последние десятилетия убеждает М. Уилльяма в том, что правда на стороне «практической программы». Если бы социалисты пошли по пути принципов, то они выродились бы в секту. В Америке времен войны Socialist Labor Party—секта; Socialist Party—производила фурор, хотя политика ее зиждилась иногда на лозунге «дешевое молоко». «Таким образом успех научно-социалистического движения обязан не его научным принципам, а эмпирической практической программе! *Научные* социалисты могли добиться успеха, только отринув *научный* социализм. Какая «научная» позиция!»¹ острит М. Уилльям.

Итак, голый рост числа членов партии признается М. Уилльямом достаточным критерием, чтобы разобраться в исторической тяжбе двух путей рабочего движения. Ни малейшей попытки проанализировать сложные причины роста или упадка числа членов в рабочих партиях по самим партиям, по странам, по эпохам. Таким образом неизбежный рост германской социал-демократии конца прошлого века и рост большевистского крыла русской социал-демократии с революции 1905 г. М. Уилльямом теоретически приравниваются? Но эти два явления не могут быть зараз удовлетворительно объяснены с точки зрения самого М. Уилльяма. Или русские большевики тоже строили свою политику на «дешевом молоке»? Очевидно, что для объяснения этих явлений необходимо привлечь еще большое количество исторических фактов и теоретических данных: очевидно, что один рост числа членов не может быть критерием в споре между II и III Интернационалом.

3.

М. Уилльям избрал путь «практической программы»; тем самым он показал, что порывает с марксизмом. Но дело ведь не в субъективном отходе от марксизма или приходе к нему, а в теоретическом, по возможности объективном, обосновании этого отхода. Если права «программа», то не прав марксизм. Значит, нужно еще теоретически опровергнуть принципы марксизма, нужно заменить их иными принципами, которые бы гармонировали с практической программой социалистов. *Стремление к единству теории и практики* присуще не одним марксистам. Есть оно и у М. Уилльяма.

Как массы должны относиться, спрашивает М. Уилльям, к социальным и индустриальным реформам? «Должен ли рабочий класс противиться этим реформам? Пустой вопрос! Дело в том, что массы стоят за капиталистические правительства с требованием немедленного введения этих реформ. Это показывает, что *капитал и труд имеют некоторые общие интересы*. Рабочий класс сделал свой выбор. Классовая борьба в сфере производства

¹ The Social Interpretation of History, p. 39.

требует, чтобы рабочие противостояли этим реформам, потому что они увеличивают степень эксплуатации. Но их интересы, как потребителей, как социальных существ (social beings), диктуют поддержку этих мероприятий—реформ. Мы знаем, что эти интересы побеждают. Реформы улучшают социальное положение масс и определяют поэтому их поддержку. Массы быстро прогрессируют, но это их успех как *потребителей*, как *социальных существ*, а не как производителей. Практически весь ряд индустриальных и социальных реформ имеет целью служить массам в их качестве потребителей, социальных существ»¹.

Уже в приведенных положениях вырисовывается остов собственной теории М. Уилльяма. Став на оппортунистически-реформистскую платформу II Интернационала и стоя уже обеими ногами на ней, он пытается вместо марксистского неудобного и неподходящего базиса подвести под эту платформу новый «тоже научный» базис. Реформисты играют на потребительской струнке рабочих. *Эта потребительская точка зрения* и кладется в основу всех глубоко «научных» построений М. Уилльяма.

Интересы рабочих, как производителей, в сфере производства действительно не совпадают с интересами капиталистов. Но, видите ли, рабочие, как и капиталисты, являются прежде всего «человеками», людьми, социальными существами, и вот у них, как у таковых, могут быть и есть общие *потребительские* интересы. Довольно, исходный пункт для построения новой социологии (по существу, конечно, весьма старой) найден. В поисках наиболее глубокого базиса общественной жизни, М. Уилльям нашел его не в производстве, а в потреблении. Уж чего, кажется, «глубже», ведь всякий человек прежде всего—потребитель, всякий человек кушать хочет! То обстоятельство, что прежде, чем есть, нужно эту еду *добыть, произвести*, и притом во вполне определенных условиях, до этого М. Уилльяму дела нет.

Вопрос, как производятся те же потребительские блага, при каких производственных отношениях,—этот вопрос, ответ на который является исходным пунктом и пробным камнем всякой социологии, «могущей возникнуть в качестве науки», как говорил Г. Плеханов, вовсе устранился М. Уилльямом. Он сразу же закрывает себе всякий доступ к подобной научной социологии, зато он находит у всех людей общие интересы. Многообразное, расчлененное на классы капиталистическое общество сразу превращается в неразличенное и неразличимое тождество, где все кошки серы и все люди братья. Марксизм с его теорией классово-вой борьбы куда как антисоциален! Гораздо «социальнее» уилльямовское понимание общества с стройной гармонией между рабочим и капиталистом в качестве «социальных существ».

«Изучение процесса социальной эволюции за последние 75 лет,—продолжает наш «социальный» социолог,—открыло замеча-

¹ The Social Interpretation of History, p. 41.

тельный факт, что между социалистическими принципами и социальной эволюцией имеется конфликт». Согласно первым, дело идет к благу производителей; согласно второй, дело идет к благу потребителей. Там, у марксистов, речь о средствах производства социальных благ, а здесь—об их распределении. Социалистические принципы основаны на конфликте между собственниками средств производства и рабочими, а социальная эволюция—на примирении, соответствии (response) их общих интересов. Социальная революция совершенно игнорирует классовую борьбу в сфере производства.

Ввиду всего этого социалистические принципы не научны, а утопичны.

Таковы первые выводы, к которым приходит М. Уилльям. Есть выводы, но нет исследования, вопреки его собственной формуле. Выводы постулируются, обоснования же их нет и прежде всего по той простой причине, что обосновать их нельзя. Можно сказать: последние 75 лет показали, что и т. д., но действительно показать, что социальная эволюция, т. е., надо понимать, живая история капиталистического общества, «совершенно игнорирует классовую борьбу в сфере производства»,—будет ведь трудненько. Чтобы уверовать в это—необходима святая интуиция, которой марксисты, коммунистические партии не обладают. Почти буквально это и говорит М. Уилльям. Он говорит, что «социалистические партии интуитивно чувствуют (feel intuitively), что в целях политической поддержки масс они должны оставить теоретические принципы классовой борьбы в сфере производства и обращаться не к производителям, а к гражданам и потребителям»¹.

В специальной главе «Научный социализм Маркса» М. Уилльям пытается подвергнуть текстуальной критике Маркса и Энгельса. Но, во-первых, давно известно, что текстуальная критика, когда выдергиваются отдельные цитаты, самая малоценная, а во-вторых, знание Маркса, которое обнаруживает М. Уилльям, столь поверхностно², что, собственно говоря, не стоило бы этой критикой утруждать внимание читателей. Все же мы приведем несколько образцов.

Так, например, Уилльям цитирует всем известное место из предисловия «К критике политической экономии» о конфликте между производительными силами и производственными отношениями на определенной ступени развития общества. «Но что происходит между определенной степенью одной эпохи,—спрашивает недоуменно Уилльям,—и достижением определенной ступени ближайшей эпохи? Маркс оставляет нас в темноте касательно этого»; очевидно, размышляет М. Уилльям, по Марксу,

¹ Курсив Уилльяма.

² Человек, бывший 25 лет учеником Маркса, цитирует «Анти-Дюринга» по Э. Бернштейну, причем буквально так: Herr Eugen Dubrigs Unvatzung. См. Social Interpretation of History, p. 104.

здесь нет ничего замечательного, ничего достойного изучения¹. Можно, конечно, указать М. Уилльяму для краткости пальцем на три тома «Капитала»—там де как раз изложено то, что происходит между «определенной ступенью» феодализма и «определенной ступенью» капитализма, но хочется думать, что наш ученый знает это. Или, например, далее М. Уилльям со слов Маркса говорит о революционных скачках, затем приводит его же цитату об эволюции, о «постоянном изменении» и торжествующе обнаруживает «противоречие»: как же так,—то скачки, а то вдруг медленное развитие! Как же это постоянное изменение отражается на положении эксплуатируемых? Прежде, говорит Уилльям, изменение означало прогресс (какой? для кого? в чем?—это не интересует нашего автора), а в капиталистическом обществе, по Марксу, это даже регресс! Словом, опять противоречие у бедного Маркса, опять нелогичность.

Так обстоит дело с промежуточным периодом между социальными революциями; с самой же революцией дело еще хуже. Посудите сами: прежде всего почему революцию имеют право, по Марксу, требовать только пролетарии, а не мелкие ремесленники (*small-manufacturers*), мелкие буржуа, феодальные лорды? Все они имеют такое же право требовать уничтожения буржуазного господства. «Они по крайней мере имеют то преимущество, что некогда сами были господствующим классом!»². После такого возражения поневоле руками разведешь, ибо для опровержения его нужно отправиться в школу политграмоты первой ступени. Дальнейшие рассуждения о пролетарской революции не лучше: гражданская война между буржуазией и пролетариатом, революция—насильственное свержение буржуазии—где же во всем этом социализм? недоуменно спрашивает М. Уилльям, забывая, что никто из марксистов никогда не отождествлял гражданской войны в эпоху пролетарской революции, или первой фазы пролетарского государства, с социализмом. Пролетарская революция и диктатура пролетариата есть неизбежная и необходимая ступень по пути к социализму, есть *conditio sine qua non*,—но это очевидно нечто иное, чем то, что хочет навязать марксизму М. Уилльям. Стоя перед лицом этой необходимой ступени, он выдает себя с головой как филистера и в лучшем случае трусливого обывателя: «гражданские войны и насильственные революции—это не воскресные школьные пикники. Они приносят хаос, разрушение, голод и жестокую бойню»³. Вот в чем секрет! Если бы революция была воскресным пикником по случаю вхождения социалистов в буржуазный кабинет, тогда бы, куда ни шло, М. Уилльям и ему подобные «приняли» ее.

Приемы критики Маркса со стороны М. Уилльяма весьма напоминают приемы нашего Н. Михайловского: сначала извра-

¹ *Social Interpretation of History*, p. 50.

² *Ibidem*, p. 58.

³ *Ibid.*, p. 60—61.

тить Маркса, затем найти «противоречие», потом правильно процитировать, и, приняв первую, извращенную точку зрения, опять обрести «противоречие». Мы видели уже, что М. Уилльям негодует по поводу им самим придуманного отождествления классовой войны в эпоху пролетарской революции с развитым социализмом. После этого он повторяет слова Маркса о необходимости для пролетариата сделаться господствующим классом. Допустим, говорит он теперь, что пролетариат сорганизовался в господствующий класс. Что же, это социализм? Нет!—вновь негодует Уилльям на Маркса,—оказывается, он должен проделать еще целый ряд реформ, он должен еще раньше уничтожить себя как класс! «И эти взгляды преподносятся нам под видом науки!» возмущается наш автор. Он ведь эмпирик: Ленин и Троцкий захватили власть и объявили диктатуру пролетариата. Что же, они намерены уничтожить свое собственное господство?—вопросаает Уилльям,—что-то не видно. Такая и подобная смесь наивности, невежества и сознательного извращения называется у М. Уилльяма научной критикой марксизма! И на основании подобной критики он приходит к выводу, что Маркс ошибался, когда думал, что открыл законы социальной эволюции в своей теории классовой борьбы и материалистическом понимании истории. Оказывается, что «Маркс имел дело не с причинами, а со следствиями, которые он ошибочно принял за причины. Маркс не открыл законов социальной эволюции. Он ничего не знал о деятельности (operations) ее законов»¹. Зато об этом знает М. Уилльям; вот почему он обещает доказать, что принципы Маркса не научны, а утопичны и антисоциальны. Но перед этим он излагает нам в позитивной форме свое «социальное понимание истории», которое призвано заменить исторический материализм. Эта теория изложена им на пяти страницах, и нам легко будет поэтому познакомиться с ней.

4.

«Изучение выдающихся явлений истории выявляет тот факт, что движущей силой всякого социального изменения являются поиски разрешения проблемы существования», так начинает изложение своей системы М. Уилльям. Воля к жизни есть универсальная экономическая проблема. «Всякий социальный прогресс является не результатом конфликта в сфере производства, а результатом гармонии общих интересов большинства, как социальных существ». «Социальная эволюция происходит всегда в соответствии с этим универсальным законом. Конец и цель всякого социального прогресса есть решение проблемы существования. Классовая борьба есть следствие, а не причина. Она обязана необеспеченности в средствах существования. В интересах общества, как целого, устранить эту причину. По мере прогресса

¹ The Social Interpretation of History, p. 75.

в этом направлении следствие это (классовая борьба) исчезает. Экономические интересы большинства как потребителей совпадают, и общество прогрессирует в соответствии с интересами большинства как социальных существ и потребителей». Испытанием для всякой формы общества является способность ее производительных сил удовлетворить желания общества. «Новая эпоха, возникшая как средство лучшего удовлетворения общества, приносит с собой освобождение тем, кто эксплуатировался в прежнюю эпоху». Но из этих групп выходит новый господствующий класс. Теперь он начинает эксплуатировать. Это—всеобщий закон социального прогресса. Что касается специально капиталистического способа производства, то не перепроизводство, а *недопроизводство* является его характерной чертой. Так как проблема существования лежит в плоскости потребления, то интересы потребителей являются движущей основой истории. «Социализм будет реализован движением потребителей, а не производителей». «Маркс был социальным патологом. Он изучал социальную патологию и не понял явлений, которые он счел за законы социальной биологии. Явления классовой борьбы есть симптомы социальной патологии, аналогичные таким симптомам, как боль, жар, краснота и опухоль в патологии человека. Первые не больше закон социологии, чем вторые—закон биологии. Поэтому принципы марксизма не научны»¹.

Таковы принципы «социального понимания истории», такова та форма, в которой они декларированы и декретированы М. Уилльямом. Они не опираются на «Монблан фактического материала», но зато формулированы ясно и отчетливо. Классовая борьба—не причина, а следствие; производство—не базис, а надстройка; базисом же является потребление. Потребительские интересы различных классов совпадают, и этого достаточно для постепенного исчезновения классов. Будущее принадлежит потребителю.

Бесспорно, в поисках предельных социологических категорий есть соблазн попытаться пойти дальше и глубже производства и производственных отношений. Само *существование* человека представляется в этом отношении понятием более широким, с точки зрения которого и нужно подходить к построению социологии. Но при ближайшем рассмотрении, несомненно, выявится, что понятие существования слишком обще, абстрактно, и для *общественной* науки не годится. Попытка свести классовую борьбу без остатка к борьбе за существование была уже попыткой подменить социологию ничего не говорящими и ничего не объясняющими абстракциями. Это было вкратце показано еще К. Марксом. У М. Уилльяма есть стремление повернуть вспять даже буржуазную социологию, которой не без труда дается понятие класса. Больше того, у М. Уилльяма обнаруживается шаг назад даже по сравнению со Спенсером. *Борьба* за существование заменяется *гармонией* потреби-

¹ The Social Interpretation of History, p. 76—80.

тельских интересов, на основе которой якобы развивается история. Между тем, как сказано, категория существования, именно потому, что она слишком обща, *недостаточна* для построения науки об обществе.

Конечно, как говорили Маркс и Энгельс еще в «Немецкой идеологии», «первой предпосылкой всякой человеческой истории является, разумеется, существование живых индивидов, людей». Но констатирования одного факта существования, очевидно, очень мало. «Люди должны быть в состоянии жить, чтобы иметь возможность «делать историю». Но для жизни прежде всего нужны еда и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Таким образом *первым историческим делом* является *производство* средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни»¹. Производство это не висит в воздухе, а совершается в известных вполне определенных условиях. «Производство жизни—как собственной, путем труда, так и чужой, путем рождения,—является в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой—в качестве общественного, общественного в том смысле, что под этим понимается сотрудничество нескольких индивидов, безразлично, при каких условиях, каким образом и для какой цели. Отсюда следует, что определенный способ производства или промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества или определенной общественной ступенью, что масса доступных людям производительных сил обуславливает общественное состояние и что, следовательно, «история человечества должна быть изучаема и обрабатываема всегда в связи с историей промышленности и обмена»².

Проблема существования является лишь *естественным* фактом, в то время как проблема производства есть уже первый *общественный* факт, и потому, с нее, т. е. с вопроса: *как* производится, должна начинаться всякая социология, претендующая на сколько-нибудь научное значение. Так выдвигаемое М. Уилльямом потребление, поскольку оно выступает в качестве не только естественного факта, но и общественного, само уже определяется и обуславливается способом производства. Последний определяет также (а логически даже раньше потребления) классовую структуру общества со всеми ее функциями в виде классовой борьбы и т. п.

Если бывают азбучные истины, то бывают и «азбучные заблуждения», и таким азбучным заблуждением является утверждение М. Уилльяма, что согласие интересов капиталистов и рабочих, как потребителей, выступает в истории как факт, для истории решающий и доминирующий над противоположностью их интересов, как участников общественного производственного процесса.

Таким же заблуждением—если это только заблуждение—является и утверждение М. Уилльяма о «патологической» природе

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. I, стр. 219.

² Там же, стр. 220.

классовой борьбы. Для капитализма это не патология, а самая нормальная «физиология», потому что нормальной «анатомией» капитализма является классовое строение общества.

Наконец социализм—если только в это понятие вкладывать серьезное и научное содержание—никак не может быть реализован движением потребителей, ибо для гипотетически предположенного «чистого» потребителя (не капиталиста, не рабочего) способ производства безразличен, как субъективно безразличен он для трехлетнего ребенка или для коровы, пасущейся на лугу. И фантастические, абстрактные потребители М. Уилльяма действительно, как увидим дальше, глубоко индифферентны к способу производства. Но дело в том, что в исторической действительности каждый потребитель есть прежде всего член определенного класса, так или иначе примыкающий к процессу производства и так или иначе к данному способу производства относящийся. Поэтому спор между капитализмом и социализмом может быть решен не потребителями, а теми классами, какие являются живым олицетворением обоих указанных способов производства.

Сделав «декларацию» о законах «социальной эволюции», М. Уилльям думает, что он тем самым доказал ненаучный, утопический характер марксизма. Но ему нужно доказать еще «антисоциальный» характер последнего. Это делается еще проще. Антисоциальна в своей основе теория *классовой борьбы*. Для филистера самое слово «социальное» напоминает что-то необыкновенно нежное, гуманное, мягкое, розовое, приятное и, может быть, ароматное. И вдруг марксисты говорят, что к социализму можно пробиться лишь через ожесточенную, классовую борьбу, через гражданские войны с множеством жертв, через не обходящиеся без пролития крови революции, обо всем этом учит марксистская теория,—ну, конечно же, она антисоциальна. Желая под это идеалистическое положение подвести «научный» фундамент, М. Уилльям доходит до того, что утверждает: «она (теория гражданской войны) не имеет прецедентов в истории».

Попутно ренегат высказывает вновь несколько горьких кой для кого истин. Он говорит, что русские большевики абсолютно правы в смысле приверженности теории и претворения ее в практику; они по крайней мере последовательны. «Соглашаются ли мировые рабочие массы с Лениным, или нет,—большинство их, кажется, нет,—но есть чувство, что большевизм служит интересам масс. Капиталистический класс мира не может создать в массах патриотического настроения в целях военного нападения на Россию»¹.

Говоря о росте симпатий в рабочем классе в пользу советов, М. Уилльям, очевидно, забывает свой арифметический критерий, ибо иначе он должен был бы признавать, что вместе с рабочими из рядов II Интернационала постепенно уходит и правда.

¹ The Social Interpretation of History, p. 93.

М. Уилльям отрицает «антисоциальную» теорию классовой борьбы. Ему больше нравятся «ученики» Маркса из рядов оппортунистов. «Ученики Маркса на практике совершенно отбросили эту теорию. Парламентская деятельность социальна по своей природе. Она была принята эмпирически в противоположность требованиям марксистских принципов. Именно поэтому революционные научные марксисты против парламентской деятельности»¹.

Доказательство от «природы», как известно, самое легкое. Именно этим доказательством оперирует М. Уилльям, чтобы показать «антисоциальный» характер марксизма: теория классовой борьбы антисоциальна по природе, теория парламентской деятельности по природе социальна. Вот и все. Мы пойдем на уступки, признаем, что концепция Уилльяма «социальна», а Маркса—«антисоциальна», но М. Уилльям должен будет признать, что его концепция зато, в противоположность марксизму, *антисоциалистична*.

5.

Ниспровергнув марксизм, М. Уилльям переходит к построению теории своего собственного социализма. Выводам и здесь предшествует исследование. Вопрос ставится так: кого эксплуатирует капитализм? Капиталистический класс эксплуатирует не только рабочих, он эксплуатирует все общество за вычетом себя самого. Поэтому, по Марксу, речь должна идти не о классовой борьбе, а о борьбе всего общества против получающего прибыль класса. «Поднимать антисоциальную теорию классовой борьбы перед лицом этих фактов значит актуально отвергать Маркса», взывает М. Уилльям. Но почему же Маркс сам обращался только к одному классу, к пролетариату? Это происходило потому, что он полагал, что классовая борьба есть движущая сила истории. Но, как блестяще доказал М. Уилльям, теория Маркса не оправдала себя, а тупые марксисты продолжают повторять старое.

Допустим, формулировку М. Уилльяма: все общество ведет борьбу против получающего прибыль класса. Что это за класс? Станным образом у нашего автора из этого класса *выпадают промышленные капиталисты*, владельцы фабрик, заводов, предприниматели. «Все общество» означает у него сильных (powerful) и полезных (useful) членов общества. Сильные—это собственники средств производства; полезные—это те, кто оказывает социально необходимые услуги, сюда относятся рабочие. Вместе они составляют то самое большинство (majority), в интересах которого, согласно социальному пониманию истории, развивается общество. «Получающий прибыль класс»,—это все купцы, торговцы, посредники, спекулянты и, пожалуй, банкиры. Они, собственно говоря, и эксплуатируют *все общество*, они бесполезны, и от них следует обществу избавиться.

¹ The Social Interpretation of History, p. 99.

Мы вступаем, несомненно, в самую любопытную и оригинальную часть учения М. Уилльяма. Сразу бросается в глаза поразительное сходство мыслей Уилльяма с «социальной философией» Генри Форда¹. То же утверждение общности интересов промышленников и пролетариев, та же ненависть к торговцам и банкирам и стремление у одного в теории, а у другого на практике обойтись без помощи купцов, отдельно стоящих от промышленного капитала владельцев средств сообщения и банкирских контор, та же фразеология «служения» промышленников «всему обществу», та же ставка на потребителя.

«Теоретик» М. Уилльям, исходя из своего социального понимания истории, формулирует следующие четыре формы социальной эволюции:

- 1) Социальные и индустриальные реформы.
- 2) Общественная собственность на средства транспорта и обращения.
- 3) Прямое обложение.
- 4) Государственная деятельность в распределении потребительных благ².

К этим универсальным «формам социальной эволюции» гордый своим эмпиризмом М. Уилльям подгоняет теоретическую программу своего «социализма». Оставив в стороне детали, рассмотрим эту программу по пунктам.

О социальных и индустриальных реформах мы уже знаем со слов М. Уилльяма, что они, хотя и производятся в интересах капиталистов и ими самими, но улучшают положение рабочих, как потребителей. Они удовлетворяют потребительские интересы и тех и других, интересы, находящиеся в трогательной гармонии.

По второму пункту «социальная эволюция» идет на выручку М. Уилльяма, поскольку он не признает революции. «Социальная эволюция в соответствии с гармонией интересов сильного и полезного совершается в направлении элиминирования бесполезных посредников, спекулянтов, купцов, торговцев, etc.»³. Маркс, правда, говорил об относительном сходстве интересов промышленного и купеческого капиталов, но ведь «социальная эволюция» отвергла принципы Маркса. Купеческий капитал есть отец промышленного, но нелепо, видите ли, думать, что первый умрет только со смертью второго, ибо, по общему правилу, отцы умирают раньше детей; это тоже «в природе вещей». Маркс *верил* в перманентность торгового капитала в капиталистическом обществе, но эта вера ведь доказывает только, что он не понял законов социальной эволюции. По М. Уилльяму, развитие капитализма требует подавления купечества, как эксплуататора общества. Как

¹ Интересующихся отсылаю к книге Г. Форда, *My Life and Work*, русский перевод которой сделан с сокращениями, а также к книге Вальхера *Ford or Marx*, перевод которой недавно вышел в свет.

² *The Social Interpretation of History*, p. 115.

³ *Ibidem*, p. 128.

же вы думаете, к кому должны перейти функции купечества? Во втором пункте говорится об общественности их, но, оказывается, сие надо понимать духовно. Дело в том, что торговый капитал прежде всего мешает отправлять полезные функции промышленникам, препятствует их служению обществу. «Промышленный капитал устранил неопределенность и анархию в производстве. Торговый сохраняет их в сфере обращения. Промышленный капиталист *должен платить* за анархию в сфере обращения»¹.

«Промышленные кризисы происходят вследствие не анархии производства, а анархии обращения. Медленно, но верно *общество* выбивает с позиции торговцев и принимает на себя их обязанности, в связи с гармонией интересов промышленного капитала и подавляющего большинства потребителей». Вот куда метит «социалист» М. Уилльям. С одной стороны, промышленные капиталисты принимают на себя купеческие функции, а с другой, конечно, потребительская кооперация, в которой снова в трогательном единстве встречаются капиталисты и рабочие в качестве потребителей.

М. Уилльям задает вопрос: угрожает ли потребительская кооперация частной собственности в целом или лишь некоторым группам, и успокоительно отвечает: она угрожает лишь посредникам, ergo, продолжает М. Уилльям, потребительская кооперация—прекрасная вещь; ergo, отвечают истинные социалисты, потребительской кооперации недостаточно.

В потребительской кооперации с оставлением капиталистического способа производства и буржуазного государства М. Уилльям видит ключ к социальной трансформации. Велика ли эта «трансформация», догадаться нетрудно. Следует сказать, что с владельцами средств транспорта и обращения М. Уилльям поступает «по-революционному». Эти капиталисты не экспроприруются совсем: «общество гарантирует им доходы мирного времени». Итак, в новейшей буржуазной утопии купцы и всякого рода посредники отсутствуют, а потребительская кооперация примиряет интересы капиталистов и рабочих в сфере потребления.

Все же М. Уилльям должен признать, что интересы их же в сфере производства различны, т. е. здесь мы имеем экспроприацию капиталистами прибавочной стоимости. Это, как выражается наш автор, «неизбежный королларий социального прогресса». Но так как с такой экспроприацией и эксплуатацией рабочих при «социализме» все же как будто неловко, то и здесь на выручку привлекается третья форма социальной эволюции: прямое обложение. Механика необычайно проста: капиталисты экспроприруют прибавочную стоимость, но «общество» в форме подоходного налога—если нужно, то прогрессивно-подоходного налога,—экспроприрует у капиталистов эту самую их «антисоциальную» прибыль. Так просто уничтожается в обществе экспроприация!

² The Social Interpretation of History, p. 141.

По словам М. Уилльяма, прямое обложение и есть чистая форма экспроприации экспроприаторов. Та глава, в которой заключены эти золотые строки, так и названа «экспроприация экспроприаторов»¹. Шутки ради этой механике можно было бы противопоставить не менее простую арифметику: сколько получает даже на заводе Форда наилучше оплачиваемый рабочий и сколько остается у капиталиста Форда по выплате им суммы подоходного налога? Но нам думается, что здесь не нужна даже арифметика, здесь нужен только здравый смысл.

До сих пор М. Уилльям совершенно забывал о государстве; мы имеем в виду столь любимую нашим автором «природу», природу государства. Допустим, что государство получает изрядную сумму от подоходного налога, но какова природа этого государства? пролетарское оно или буржуазное? Если хоть сколько-нибудь серьезно относиться к предмету своего исследования, то этого вопроса не избежать. Термины «буржуазное государство», «пролетарское государство» ведь не выдумка. Они столь же правомерны, как и, например, «капиталистическое общество». Не поднимать вопроса о характере государственной структуры при обсуждении трех первых форм социальной эволюции значит заранее отрезать себе все пути к хоть сколько-нибудь научной постановке проблемы. Между тем именно это мы имеем у М. Уилльяма. Поэтому все его идеи никак не могут вызвать к себе серьезного отношения; они не более как плод чудовищного недомыслия, облегченного в quasi-научную форму.

Впрочем М. Уилльям вспоминает о государстве, когда говорит о четвертой форме социальной эволюции, о государственном регулировании распределения. Эта форма сильно дала себя знать во время войны. И вот М. Уилльям с удовольствием констатирует, что «распределение потребительных благ становится национальной целью». «Каждая вещь, которая входит в круг повседневных потребностей, становится предметом социального регулирования. Как часто каждый может есть мясо, какого рода и сколько булочек каждый может иметь к завтраку, во сколько футов длины каждый может иметь сюртук, сколько карманов может иметь пола костюма и т. д., и т. д.,—все это становится предметом социального регулирования»². Когда читатель будет обдумывать эту универсальную форму социальной эволюции, этот *теоретический* рай М. Уилльяма, он обязательно должен будет вспомнить и первую ее форму: социальные реформы, примиряющие интересы капиталистов и рабочих как *потребителей*. В государственном регулировании распределения по рецепту М. Уилльяма он найдет вполне достаточный корректив к потребительскому равенству «социальных существ». Можно быть спокойным, что буржуазное государство,

¹ Очевидно несколько сконфуженный немецкий переводчик «Expropriation of Expropriator» перевел «Die Ausbeutung der Ausbeuter, т. е. эксплуатация эксплуататоров».

² The Social Interpretation of History, p. 204.

регулируя мясные порции, не обидит капиталистов. Так все четыре формы социальной эволюции, они же теоретические требования М. Уилльяма, они же устои социальной философии Генри Форда,—этого автора «кодекса хорошего тона» для промышленников,—эти формы взаимно дополняют и поддерживают здание новейшего буржуазного социализма.

Чтобы картина уилльямо-фордовского социализма была полна, нужно сказать еще несколько слов о пути, идя по которому люди придут к нему. Хотя «социальная эволюция» сама недурно работает, М. Уилльям не против политической деятельности, направленной к достижению его социализма. Все дело заключается в политической деятельности *потребителей*. Что же эти потребители должны сделать с буржуазным государством? Разрушить его? Ничего подобного! Этого требуют марксисты, но они не понимают, что «политическая демократия передала управление государством в руки народа». Марксисты хотят уничтожить капиталистическое государство. Они думают уничтожить его усилиями производителей. Это, утверждает М. Уилльям, неправильно, это—утопия. Вместо марксистской концепции он устанавливает: «единое движение всех полезных членов общества против получающего прибыль класса». Эта сила будет непреодолима! «Капиталистический класс растает как снег под полуденным солнцем!»¹—так прямо и написано. В переводе на прозаический язык это означает: капиталистический способ производства остается в своей полной неприкосновенности, буржуазное государство во главе с капиталистами остается в неприкосновенности, «социализм» М. Уилльяма остается тоже во всей неприкосновенности своей фразеологии.

Таково «теоретическое» опровержение М. Уилльямом марксизма. У него есть и краткое «практическое» опровержение. Оно заключается в пустых и бессмысленных разговорах на тему о русской революции. Мы ограничились нашей статьей рассмотрением теоретической аргументации М. Уилльяма. Но даже если бы мы изменили своей теме, нам ничего не пришлось бы сказать о его практической аргументации. Соответствующая глава книги М. Уилльяма, написанная в 1919—1920 гг., совершенно устарела и блестяще-опровергнута самым существованием Страны Советов.

Таково убожество очередного «опровержения» марксизма. Это даже не буржуазный социализм, по старой номенклатуре Маркса; это, с позволения сказать,—социальная философия филистера-обывателя, очарованного дешевыми автомобилями Форда и неспособного подняться выше потребительской точки зрения.

¹ The Social Interpretation of History, p. 195.